

На утренней аудиенции при дворе произошло три происшествия.

Первое: Ведомство общественных работ потребовало у Ведомства финансов выделения средств на ирригацию, но министр финансов привычно плакался о пустой казне.

Второе: Ведомство ритуалов завершило подготовку к пышному пиру для придворных.

И третье: император отвесил звонкую затрещину Второму принцу, осмелившемуся просить о высочайшем благословении на брак.

Когда случилось третье, о первых двух все мгновенно забыли, будто их и не было.

Чиновники — тоже люди, а чиновники ох как любят даровые зрелища!

Тем более виновником этой истории стал не кто иной, как Янь Фэйду — новоиспечённый чжуаньюань и свеженазначенный ученый Академии Ханлинь.

Кому не ведомо, что Янь Фэйду без памяти влюблён в молодого маркиза Хан Цзянсюэ? И когда Второй принц прямо у него на глазах вознамерился испросить руку Хан Цзянсюэ, разве мог Янь Фэйду промолчать?

Самое пикантное заключалось в том, что ещё до начала аудиенции Второй принц уже припелся к государю с этой просьбой. Император решил, что отпрыск попросту перебрал лишнего, и велел страже выставить его вон. Но тот каким-то образом умудрился прорваться прямо в тронный зал, бухнулся на колени и заголосил во весь голос:

— Августейший родитель! Молю, благословите наш брак с Хан Цзянсюэ!

Это... это что ещё за выходка?!

Придворные ахнули. Положим, Второй принц славился своей глупой безудержностью, но от его тона создавалось впечатление, будто они с молодым маркизом пылают взаимной страстью.

Перешептываясь, вельможи невольно уставились на Янь Фэйду.

Новоиспечённый ученый тем временем с безразличным видом разглядывал убранство дворца. Скрыв кисти рук в широких рукавах, он невидимыми движениями пальцев чертил в воздухе магические знаки, пытаясь нащупать изъяны в устройстве царящей вокруг иллюзии.

Почувствовав на себе десятки вьедливых взглядов, он уже не мог делать вид, будто ничего не слышал.

— Кажется, почтенным господам есть что сказать Второму принцу?

Стоя за спинами сановников и спрятав руки в рукава, Янь Фэйду одной-единственной фразой переложил всю ответственность на собравшихся.

Сановники опешили: «Эй! Мы собирались насладиться твоим замешательством, а не отвечать на вопросы!»

Ученый из Ханлинь стоял прямой прямого, исполненный благородства и кротости. На его утончённом лице замерла мягкая улыбка, а взор лучился такой праведностью, словно он искренне ждал, что умудрённые опытом мужи восстановят справедливость и вернут в тронный зал порядок.

Он ведь юн, неопытен, да и держится так скромно — разве подобает ему вступать в подобные перепалки?

Владыка на драконьем престоле предостерегающе кашлянул, и один из седовласых сановников тут же выступил вперёд:

— Поступку Второго принца нет оправдания! Бракосочетание — дело сугубо семейное, решаемое волей старших. Как можно бесчинствовать в главном зале, помогаясь решения подобно бунтарю? Забудем на миг, согласен ли сам молодой маркиз, но сейчас идет обсуждение государственных дел! Дерзость принца помешала важному совету — так отчего же он до сих пор не просит прощения?

Если без обиняков: убирайся отсюда ко всем чертям.

Кто бы мог подумать, что Второй принц ляпнет лишь:

— Я виноват.

И продолжил истуканом сидеть на коленях.

— Но согласен Хан Цзянсюэ или нет — он всё равно будет моим! — выкрикнул принц, сжав кулаки.

Старый сановник едва удержался, чтобы не достать платок и не утереть холодный пот.

Всем давно было известно: Второй принц статен, высок, лицом не обделён, да вот умом подкачал.

Впрочем, от глупости бывает польза, кабы не одно «но»: Его Высочество отличался еще и редким, беспросветным упрямством.

Настоящий осёл! Любой разумный человек уже сообразил бы, что венценосный родитель из последних сил сдерживается, чтобы ради сохранения лица не забить его прямо здесь, — так чего ты застыл и напрашиваешься на расправу?!

На лбу государя вздулись вены:

— Ты до сих пор не понял?! Намерен ждать, пока тебя выволокут за ноги?!

Принц лишь прополз на коленях чуть ближе:

— Отец! Я же от чистого сердца...

— Эх...

Над залом пронесся едва слышный тихий вздох.

Голос прозвучал настолько мягко и бархатисто, что собравшиеся невольно успокоились.

Император взглянул на него:

— Янь Фэйду, о чём ты вздыхаешь?

Хранивший доселе молчание Янь Фэйду прикрыл губы широким рукавом, виновато опустил взор, а затем выступил из шеренги и склонился в почтённом поклоне.

— Скорблю оттого, Ваше Величество, что ныне вы выглядите ещё более истощённым, нежели прежде. Непрестанные труды во благо государства не дают вам и минуты покоя. Вздох мой — лишь отражение тревоги за ваше здоровье. Время аудиенции давно истекло. Если бы Ваше Величество уделили себе хоть полчаса, испив чаю и отдохнув, сие принесло бы великую пользу. Увы, подданный ваш не в силах разгрузить бремя правителя и может заботиться лишь о таких мелочах.

Речь эта изрядно разгладила хмурый лик государя — приятно, когда кто-то понимает тяжесть его трудов. Переведя взор на Второго принца, Янь Фэйду добавил:

— Ваше Высочество, разве я не прав?

Вот это да... Смыслит ли кто? Он ведь даёт сопернику спасительный выход!

Сановники расплылись в одобрительных улыбках. Второй принц, казалось, тоже решил воспользоваться протянутой рукой помощи.

— И то верно, — благодушно кивнул он. — Вот закончим с моим браком, и можно расходиться!

Помяни черта! Принц не то что не сошел с подножки — он полез ещё выше!

Стоило этим словам прозвучать, как все вельможи дружно уставились себе под ноги.

Спустя мгновение по дворцовым сводам раскатилась звонкая, сочная пощёчина.

Покидая дворец, Янь Фэйду шёл под руку с несколькими почтенными мужами. Те принялись искренне сочувствовать ему:

— Помыслы твои были чисты, да кто же знал, что Его Высочество настолько непрошибаем и не уловил столь прозрачного намёка? В его каре нет твоей вины.

— Ты столь юн, а уже возвысился до ученого Ханлинь, — подхватил другой. — Впереди великое будущее! Если принц опять впадёт в дурь и начнёт искать с тобой ссоры, просто не обращай внимания.

— И то правда! Его Высочество вечно витает в облаках, воображая, будто по одному его хотенью драконы с небес спускаться станут!

Янь Фэйду кротко соглашался с каждым, сохраняя на губах вежливую, едва заметную улыбку:

— Помыслить не мог, что Его Высочество не поймёт столь простых вещей.

Когда Янь Фэйду удалился, старики не скупились на похвалы: Янь Шисань невероятно рассудителен и сдержан, его ждёт блестящая судьба.

— Одно лишь непонятно: отчего же, когда после аудиенции государь отправил евнуха выказать ему благоволение, тот испросил подобный подарок?

— Эх... Любовь, всё любовь.

Оказавшись за воротами дворца, Янь Фэйду уселся в экипаж и... принялся чертить в воздухе невидимые узоры.

Слуга, приподнявший было шторку, чтобы спросить, куда держит путь хозяин — домой или в иное место, молча задернул её обратно.

«В последнее время Тринадцатый молодой господин становится всё страннее и страннее... Аж подступиться боязно».

Янь Фэйду, казавшийся умалишённым, на самом деле с помощью магии пытался отыскать аномалии в императорском дворце. Внезапно взглянув в окно, он повелел кучеру остановить экипаж.

Солнце поднялось высоко. За мостом, сразу у выезда из дворцового комплекса, кипела городская жизнь: раскинулись ряды торговцев, двери заведений — от скромных чайных до пышных ресторанов — уже распахнулись для посетителей.

Едва Янь Фэйду ступил на мостовую, слуга мгновенно увязался следом.

— Тринадцатый молодой господин желает перекусить на улице? — тихо поинтересовался тот.

— Угу. Позвенеть ложкой я смогу и сам, ступайте домой.

Пренебрежительно махнув рукой, Янь Фэйду неспешно пошёл по улице.

Навстречу ему попался ребенок-цветочник с корзиной за плечами. На нежных лепестках его товара ещё сверкали капли утренней росы.

— Господин, не купите букетик? — боязливо пролепетал мальчуган.

Окинув взглядом толпу празднующихся, Янь Фэйду достал ровно столько медяков, сколько нужно, и выменял несколько веточек пионов, гардений и магнолий.

Из-за столь незначительной суммы даже самый отъявленный оборванец не стал бы грабить ребенка посреди людной улицы.

Мальчишка просиял от счастья и заботливо выбрал для покупателя самые пышные, сочные

бутоны.

Стоя на перекрёстке с цветами в руках, Янь Фэйду выглядел невероятно живописно, невольно притягивая взоры прохожих.

Едва он переступил порог близлежащей чайной, к нему с расплывшейся до ушей улыбкой подскочил зазывный половой:

— Тринадцатый молодой господин! Чем изволите откусать? Утром как раз привезли свежайшие побеги бамбука, чай — самого первого сбора, да и вода у хозяина припасена особая, родниковая! Приказать подавать?

— Давай, — улыбнулся Янь Фэйду. Заметив, что половой вознамерился проводить его в отдельный кабинет, он жестом остановил его: — Я здесь по приглашению. Мой друг — молодой человек в шляпе с вуалью.

— А-а, понял! — спохватился слуга и повел его в самый дальний конец галереи. — Прошу, господин! А я мигом на кухню!

Янь Фэйду остановился перед полукруглой аркой кабинета, отделённого от коридора лишь резной ширмой. Он коснулся пальцами косяка:

— Можно войти?

—... Здесь никого нет, — послышался из-за ширмы звонкий юношеский голос.

— Благодарю.

Сделав вид, будто не заметил подвоха, Янь Фэйду прошествовал внутрь. Обогнув ширму, он увидел Хан Цзянсюзэ, восседающего на стуле.

Тот всё ещё сжимал в руках шляпу с вуалью и с нескрываемым изумлением уставился на гостя.

— Как ты меня разыскал?!

Янь Фэйду бросил взгляд в окно — оттуда открывался прекрасный вид на императорские покои.

— Чистая случайность. Проезжал мимо в экипаже и заметил, как кто-то любопытствует у окна.

Хан Цзянсюзэ, который ещё минуту назад действительно подпирал подоконник, разглядывая

дворец, виновато промолчал.

Янь Фэйду протянул букет юноше и мягко произнёс:

— Это тебе.

Согласно этикету, на подарки следует отвечать благодарностью. Хан Цзянсюэ машинально принял цветы и вежливо проямлил «спасибо», но тут же опомнился:

«Постой-ка! Если я принимаю его цветы, не даю ли я ему ложную надежду?!»

Только он собрался вернуть букет, как Янь Фэйду продолжил:

— Во дворце намечается Праздник ста цветов. Торжество устроят для придворных, да вот знатым родам пригласительные достанутся далеко не всем.

Вытащив из рукава изысканный свиток-приглашение, он передал его юноше:

— Я знаю, как сильно ты стремился попасть во дворец, а потому выпросил у Его Величества одно приглашение.

Хан Цзянсюэ ошеломленно воззрился на приглашение, а затем перевел потрясённый взгляд на Янь Фэйду:

— Ты... ты отдаёшь это мне? Да как же мне отблагодарить тебя?!

Янь Фэйду подпёр подбородок ладонью, выглядя слегка утомлённым — не иначе как из-за раннего подъема.

— Никаких благодарностей. Я лишь желаю завоевать твою благосклонность.

От этих слов Хан Цзянсюэ мгновенно вспыхнул. Он сжал ладонями уши, которые уже пылали огнём.

— Но я ведь предупреждал, что у нас ничего не...

— Эх... — Янь Фэйду приложил указательный палец к губам юноши. — Не говори ничего, иначе разбиваешь мне сердце. Мне не нужна твоя благодарность. Позволь хотя бы... просто говорить с тобой вот так.

Хан Цзянсюэ сжал стебли цветов. Каким бы бессердечным он ни пытался казаться, устоять перед подобным было свыше его сил — в груди сладко защемило.

Однако растрогаться со всей полнотой он не успел: из-за двери раздался судорожный вздох.

Вскинув голову, Хан Цзянсюэ увидел полового с подносом, высунувшегося из-за ширмы. Заметив, что его засекли, тот резво изобразил, будто застегивает рот на замок:

— Мой рот на задвижке! Ни одна душа вас больше не побеспокоит!

Проворно, точно молния, расставив на столе яства, чай и свежую выпечку, половой расплылся в счастливой ухмылке и испарился.

Что ни говори, а люди куда охотнее любят чужими нежными чувствами, чем любовными драмами!

Хан Цзянсюэ поднял букет, прикрыв им лицо так, что снаружи остались лишь хлопающие глаза.

Похоже, привычки, въевшиеся за время жизни в кошачьем семействе, успели проникнуть в самую толщу костей: юноша ощущал себя в безопасности, только если мог подглядывать из укрытия.

— Вот видишь! Он опять всё не так понял! — смутно заподозрил подвох Хан Цзянсюэ.

— Разве в нашей власти приказывать чужим умам? — возразил Янь Фэйду.

Одно-единственное слово лёгким росчерком разделило мир на «их» и «нас».

— Оставим сие, — вовремя сбавил оборот ученый. — Лучше поговорим о Втором принце. Сегодня этот молодец ворвался прямо в тронный зал, вымаливая у императора указ о вашем браке.

Хан Цзянсюэ обомлел:

— Это ещё кто такой?! Я его знать не знаю!

В душе юноши разразилась буря: сидел себе спокойно, а его чуть не женили неизвестно на ком?!

— Однако держится он так, словно вас связывает вековая любовь, — лукаво прищурился Янь

Фэйду.

— Дай-ка вспомнить, дай вспомнить... — Хан Цзянсюэ склонил голову набок, нервно наматывая прядь волос на палец. — Кажется, я всего-то раз пересёкся с императорской родней на улице... Единственная встреча!

Хан Цзянсюэ был уверен на все сто!

Янь Фэйду всё стало ясно. Некоторым мужам подобное свойственно.

Идёт себе красавица по улице, любуется бутонами в лавке, а глупец, стоящий за кустом, уже возомнил, будто очаровательные очи устремлены на него.

За пару мгновений в незрелом уме успевает сложиться целая жизнь: от свадебного пира и количества общих детей до их имён и выбора наставников.

— Так не пойдет! Мне нужно во дворец! Даже если выйдет указ — я ни за что не соглашусь!

Хан Цзянсюэ ни под каким видом не мог допустить разоблачения своей тайны!

Если всё обернётся прямо как в «Предании о Белой Змее» и он внезапно обратится в истинный облик — этот хваленый принц сходу дубу врежет от страха!

Юноша, очевидно, даже не задумался о том, кого на самом деле может напугать неожиданное появление в доме маленького кролика.

Янь Фэйду мягко положил руку ему на плечо:

— Государь отказал ему. Впрочем, на Празднике ста цветов, если представится случай, ты сможешь лично высказать императору свою волю.

Хан Цзянсюэ истово кивнул. Взглянув на свиток с золотым тиснением, он заметно посуровел.

Матушка... Он наконец-то увидит матушку!

Янь Фэйду наблюдал за тем, как от усердия слегка округлились щеки юноши. Пальцы ученого невольно дрогнули — до того заманчиво казалось коснуться их.

Жаль, время ещё не пришло. Чтобы приручить пугливого кролика, требуются терпение и... искусная маскировка.

Бережно спрятав приглашение за пазуху, Хан Цзянсюэ чинно сложил руки перед грудью:

— Отныне, если тебе потребуется моя помощь, только молви слово! Правда... о том, про что ты твердишь, даже не проси!

— О чём же это?

С улыбкой подцепив палочками прозрачный бамбуковый цзяоцзы с креветкой, Янь Фэйду опустил его в пиалу спутника.

— Все, о чём я помышляю — это то, что нам пора позавтракать.

Хан Цзянсюэ вспыхнул до корней волос и ткнулся носом в пиалу, торопливо уплетая угощение и совершенно забыв возмутиться тем, кто именно его положил.

Проглотив пару штук, он всё же поднял взгляд:

— Ты осторожнее с холодной пищей. У тебя тело слабое, береги себя.

Янь Фэйду молча переваривал услышанное:

«Неужели недуг слабосилия преследует меня даже внутри иллюзии Беспредельного Облика Взаимного Рождения? Что ж, тем лучше».

Трапеза подошла к концу, и Хан Цзянсюэ вознамерился отбыть. Но стоило Янь Фэйду подняться на ноги, как тот слегка покачнулся. Юноша мгновенно подался вперёд и плечом упёрся ему в грудь, подставив надёжную опору.

— Что с тобой? — забеспокоился Хан Цзянсюэ, снизу вверх вглядываясь в лицо ученого.

Янь Фэйду потер висок и с видом человека, страдающего от страшного головокружения, бессильно склонил голову на юношеское плечо.

— Голова закружилась... Неначе оттого, что перекусил остуженным.

Любой врачеватель поднял бы его на смех, но Хан Цзянсюэ лишь сочувственно вздохнул:

— А ведь я предупреждал! Ладно, держись крепче, донесу тебя до дома!

Поддерживая согнувшегося попутчика, юноша не мог натянуть шляпу с вуалью. Так они и

вышли из заведения — юноша волок и обнимал ученого за талию на глазах у всего люда.

Хан Цзянсюэ втянул носом воздух, исходящий от Янь Фэйду, и внезапно поймал себя на мысли, что этот аромат до боли знаком.

В нём сплелись свежесть чистого снега, терпкий дух туши и едва уловимые нотки благовоний на одежде — запах успокаивал и дарил чувство умиротворенности.

—... Как приятно пахнет, — едва слышно прошептал юноша.

Янь Фэйду косо взглянул на него, но Хан Цзянсюэ лишь мотнул головой и бережно усадил болящего в свою карету.

Тем временем в чайной один из школяров уже всю марал бумагу кистью!

Заглавие новеллы гласило: «Властный молодой маркиз и нежный ученый Янь». А в первых же строках сообщалось, как при первой встрече маркиз дерзко поддел пальцем подбородок ученого и с томящей улыбкой прошептал: «А ты сладко пахнешь!»

Если бы Хан Цзянсюэ когда-нибудь довелось прочесть сие сочинение, он бы молвил лишь одно: «Что за дичь!»

Когда экипаж остановился у ворот поместья герцога Мужества и Решимости, Янь Фэйду не спешил выходить.

— В день Праздника ста цветов я заеду за тобой, — негромко проговорил он.

Хан Цзянсюэ молча кивнул. Увидев, как на губах ученого расцветает улыбка, он дождался, пока слуги под руки уведут господина, и только тогда велел кучеру трогать.

Стоило Янь Фэйду переступить порог родного дома, как навстречу ему выскочил герцог, намеревавшийся устроить привычную сцену гнева. Ученый лишь предостерегающе вскинул руку:

— Отец, поберегите силы.

— Какое там «поберегите»?! Что ты натворил во дворце?! Как осмелился перечить Второму принцу прямо при дворе?! — Герцог едва не хватался за сердце.

— Я вовсе с ним не вздорил, — легко улыбнулся Янь Фэйду и размеренно выделил каждое слово: — Просто задумка Второго принца крайне неудачна, оттого я и посоветовал ему выбросить её из головы.

Перед ним стоял всё тот же Янь Фэйду, однако герцогу показалось, будто от сына веет неумолимой, подавляющей мощью.

То была непоколебимая уверенность, сила и непререкаемая власть над всем происходящим.

В покоях Второго принца.

Его Высочество восседал на ложе, пока евнух бережно прикладывал к его лицу целебные притирки.

Принц неустанно шипел от боли — да и как тут не шипеть, коли физиономия его раздалась вширь ровно вдвое!

— Отец... как же жестоко твоё сердце!

Принц пытался изобразить глубокую скорбь, да вот из-за заплывших глаз смотрелся невероятно комично.

Император отхаживал отпрыска без малейшей жалости. Не имей он всего двоих сыновей, за подобную выходку принц бы точно отправился прямо на эшафот у Полуденных ворот.

Покрадываясь, в покои прошмыгнул молодой евнух и с поклоном протянул драгоценный пузырек.

— Ваше Высочество, раздобыл-таки чудодейственное снадобье Сыпу из Западных Земель!

Заметив недоумение на отеком лице господина, евнух склонился к самому уху и шепнул:

— Ну то самое... снадобье для весенней страсти!

Принц просиял и сгреб флакон:

— Замечательно! Как только всё свершится и дело будет сделано, посмотрю я, кто смеет встать у меня на пути!

Даже добывший зелье слуга невольно подумал, что его хозяин творит сущий грех.

— Ваше Высочество, на Празднике ста цветов будет присутствовать и ученый Янь... — осторожно напомнил евнух.

Принц искренне не понял намека:

— Ну и пусть приходит! На взбучку от отца я на него зла не таю, он-то тут при чём?

Служка лишь вздохнул про себя: «Ну-ну...»

<http://bllate.org/book/20471/2162589>